

«Изысканно
оригинальная книга».
Иэн Макьюэн

«Захватывающая история
любви и потери».
Роберт Харрис

РАСКОПКИ

ДЖОН ПРЕСТОН

Автор книги
«Учрезвычайно английский скандал»

Кинопремьера мирового масштаба

Джон Престон

Раскопки

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Престон Д.

Раскопки / Д. Престон — «Эксмо», 2007 — (Кинопремьера
мирового масштаба)

ISBN 978-5-04-158840-3

Британия. Жаркое лето 1939 года. Страна готовится к войне, но на прибрежной ферме в Саффолке есть заботы иного рода – вдова Эдит Претти подозревает, что на принадлежащей ей земле в Саттон-Ху спрятаны сокровища. В попытке убедиться в этом женщина организывает на территории археологические раскопки. Она обращается за помощью к опытному археологу Бэйзилу Брауну. Вскоре выясняется, что на земле миссис Претти действительно зарыты ценные находки. К ним присоединяется молодая студентка Пегги Пигготт. Ей и ее мужу не терпится принять участие в раскопках и узнать, что еще спрятано глубоко в кургане. Три месяца упорной работы на фоне растущего национального волнения подтвердили догадки – в Саттон-Ху и правда захоронена уникальная вещь, отголосок истории Британии, который кардинально меняет взгляд на прошлое и будущее.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-158840-3

© Престон Д., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	6
Эдит Претти	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джон Престон

Раскопки

John Preston
The Dig

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © John Preston 2007

Оформление © Netflix 2021. Used with permission

© Ударова Н., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Бейзил Браун

14 июня 1939 года

Тем вечером я вернулся обратно и продолжил работу один. Прямоугольник почерневшей земли при входе в погребальную камеру проступал передо мной весьма четко. Сначала я поскоблил почву шпателем, затем взял трюэль. Прошло совсем немного времени, и я наткнулся на зеленоватый обод, который проглядывал сквозь землю, словно травяное пятно. Сначала я решил, что мне кажется, моргнув пару раз, поверил своим глазам.

Я вооружился кисточкой и аккуратно смахнул грязь, боясь сделать лишнее движение, ведь иначе моя находка могла попросту рассыпаться. Но обод не то что не рассыпался – наоборот, его очертания проступили только сильнее. А затем чуть левее показался еще один зеленый обод. Не такой яркий, к тому же весь чем-то испещренный, но не заметить его было невозможно. Я решил, что это обручи, какие бывают на бочках или другой деревянной таре.

Часы показывали уже девять вечера. Поразительно – я-то думал, что прошло всего минут пятнадцать, а уже начинало темнеть, солнце уходило. Несмотря на это, пот с меня тек в три ручья, так что приходилось промокать лоб рукавом. Понятно, что скоро придется сворачиваться, но мне хотелось еще немного поработать, еще чуть-чуть.

Я продолжил смахивать землю кисточкой. Как же я жалел, что не прихватил с собой фонарик. Черт возьми, и почему я не подумал заранее? Но только мне стоило решить, что ковыряться в темноте смысла нет, как я обнаружил кое-что еще. Кажется, какая-то деревяшка.

Я подумал было, что это как раз та самая бочка, ну или то, что от нее осталось. Но затем засомневался. Деревяшка размером напоминала большую книгу – вроде Библии или ту, что используют для бухгалтерского учета. Судя по всему, она была плоской, а местами настолько сгнившей, что даже мягкой кисточкой касаться ее не стоило. Все, что мне оставалось, – это наклониться поближе и сдуть все лишнее.

В одном месте деревяшка, кажется, сохранилась весьма неплохо. Я постучал по этому участку пальцем – послышался мягкий, пустой звук. В левом верхнем углу виднелся след от сучка. Присмотревшись, я понял, что это небольшая дырка. От земли шел сухой запах старой бумаги. Я вдыхал аромат и сидел, разглядывая кусок деревяшки и это непонятное отверстие.

И тут я сделал кое-что, за что мне очень стыдно. Даже не знаю, что на меня нашло, ведь так делать нельзя. Но я взял и засунул палец прямо в эту дырку. Палец проскочил весьма легко – дерево уютно обхватило мою костяшку. Под деревяшкой явно было пусто. Конечно, трудно судить, но мне показалось, что полость была большой – палец мой оказался словно в окружении лишенной воздуха пустоты.

Несколько минут я так и просидел. Сумерки сгущались, найденную деревяшку я уже еле различал, но уходить не хотелось. Наконец я вытащил палец, и все то воодушевление, которое охватило меня ранее, испарилось без следа. На смену ему пришла волна печали, да такая сильная, что чуть не сбила меня с ног.

Я накрыл центр ладьи брезентом, по краям разложил камни и пошел в сторону особняка Саттон-Ху. Передо мной бежала бледная гравийная дорожка, сбоку виднелся тис. Его силуэт нависал передо мной, ветки почти что касались земли. Было темно.

Я позвонил в звонок и тут же понял, что весь взмок и становилось холодно. Дверь открыл Грейтли. Воротник он уже снял, но фрак все еще был на нем.

– Бейзил? Что ты здесь делаешь?

– Можешь сказать миссис Претти, что мне надо с ней переговорить? – сказал я.

– Прямо сейчас? – Он слегка отшатнулся, видимо, удивившись. – Ты смотрел на часы? Миссис Претти уже готовится ко сну.

– Все равно. Мне надо с ней поговорить.

За спиной Грейтли, отразившись от белой плитки, мелькнула вспышка света. Он хмуро глянул на меня, хотя и не без сочувствия, и сказал:

– Извини, Бейзил. Придется подождать до утра.

Эдит Претти Апрель – май 1939 года

В дверь постучали.

– Войдите.

– Мистер Браун, мэм, – сказал Грейтли, а затем отошел в сторону, давая Бейзилу пройти.

Даже не знаю, чего я ожидала, но точно не такого. Сначала мне показалось, что он весь, как его фамилия, – коричневый или даже бурый¹. Кожа смуглая, красноватая. Одежда такая же – галстук, твидовый пиджак застегнут на все пуговицы, внизу – кажется, кардиган. Этаким подкопченный лосось в человеческом обличье. Да еще с такой фамилией – смех да и только.

Вот только глаза у него не карие. Серые, как две отполированные гвоздевые головки, они с живостью поблескивали. Волосы взъерошены, и он что-то зажал в левой руке – что-то коричневое, естественно. Правую держал перед собой.

– Миссис Претти, – начал он.

– Благодарю, что нашли время приехать, мистер Браун.

– Что вы, что вы...

Рукопожатие его оказалось крепким, ладонь – сухой.

– Присядем?

Я указала на диван.

Он расположился на краешке, уперев локти в колени. Нечто коричневое он все еще держал в руках. Я присмотрелась – к моему ужасу, мне показалось, что это какое-то животное. Но затем стало ясно, что это его кепка. Видимо, он заметил мой взгляд и поэтому тут же положил кепку на диванную подушку позади себя.

– Мистер Браун, вас мне порекомендовали как большого специалиста по почве. Саффолкской почве. Мистер Рид-Моир, председатель Ипсвичского комитета по музеям, очень хорошо о вас отзывался.

Мне показалось, Браун слегка скривился, стоило мне упомянуть Рида-Моира. Помню, он рассказывал, что Браун весьма оригинален в своей работе, а еще он называл его человеком очень «местечковым». Очень. Тогда я и не поняла, что он имел в виду, а сейчас стало ясно.

– Как вы знаете, – продолжала я, – на моей земле есть несколько курганов. И я уже какое-то время подумываю о том, что надо заняться раскопками. И мистер Рид-Моир сказал, что это дело как раз для вас.

В ответ – никакой реакции. По крайней мере, поначалу. Но затем Браун спросил:

– А что вы думаете там найти, миссис Претти?

Акцент у него был типично саффолкский: все гласные выходили узкими, согласные друг на друга как будто наваливались.

– Мне кажется, это древние захоронения, бронзовый век. А что я думаю найти – давайте не будем гадать. Но, судя по всему, раскопки там никогда не велись, и поговаривают, здесь искал клад даже Генрих VII. А еще известно, что на это побережье искать сокровища отправляли Джона Ди, астролога при дворе Елизаветы I. Говорят, и сюда он тоже заезжал, хотя прямых доказательств нет.

Снова никакой реакции. Несмотря на то как он был одет, было в нем что-то щеголеватое, изысканное. Может, дело было в его сдержанности?

– Может, сами посмотрите? – предложила я.

¹ Браун (Brown) – в пер. с англ. – коричневый.

Снаружи все казалось каким-то блеклым, бесцветным. Вода в устье реки блестела и казалась твердой. Такое чувство, будто течение и вовсе замерло. Трава под ногами была мягкой, на ней уже выступила роса, и я осторожно выбирала, куда наступать. Мистер Браун шел, скрестив руки на груди. Локти у него торчали в стороны, и казалось, будто пиджак ему мал.

– Окрестности Саттон-Ху всегда называли Маленьким Египтом, – сказала я. – Очевидно, что это из-за курганов. Местные даже складывали о них легенды. Говорят, здесь видели таинственные фигуры, которые танцевали при свете луны. И даже белую лошадь. А девушки ночевали на верху этих курганов, если мечтали о ребенке.

Браун глянул на меня, вскинув брови, ставшие точь-в-точь как две галки.

– А вы сами когда-нибудь эти фигуры видели, миссис Претти? – спросил он.

– Нет, – ответила я, усмехнувшись. – Ни разу.

Мгла укутывала курганы, и, когда мы подошли к самому крупному из них, мистер Браун слегка прищелкнул языком:

– А они больше, чем я думал. Намного.

Он указал пальцем наверх:

– Можно, да?

– Да, конечно.

Размахивая локтями, он взбежал наверх по холму. Добравшись до вершины, он остановился, огляделся и быстро исчез. Через пару секунд я поняла, что он, видимо, сел на корточки за папоротником. Затем мистер Браун выпрямился и топнул ногой. Сначала одной, потом другой. Еще несколько минут он постоял на холме, а потом вернулся ко мне, качая головой.

– Что такое, мистер Браун?

– У вас там кролики, миссис Претти.

– Да, я в курсе.

– Кроличьи норы, – сказал он. – Для раскопок это плохо. Очень плохо. Они портят почву.

– Да? Я не знала.

– Настоящая напасть.

Мы обошли вокруг каждого кургана. Браун делал замеры и что-то записывал тупым карандашом в старом ежедневнике. Внезапно над нами пролетела стая диких гусей – шеи вытянуты вперед, крылья хлопают. Браун, глядя им вслед, поднял лицо к небу, и я обратила внимание на его тонкий и четкий профиль.

К тому времени как мы закончили, сумерки уже сгустились. В Вудбридж, помигивая светом ламп, все еще возвращались лодки, моторы их шумели. Слышались чьи-то голоса и окрики. Слов не разобрать – до нас долетали едва различимые обрывки фраз.

Мы вновь оказались в гостинной. Браун потянулся к карману пиджака, но вдруг замер.

– Курите, пожалуйста, мистер Браун.

– У меня трубка, – предупредил он.

– Ничего страшного.

Он достал трубку и мешочек с табаком. Засыпав, поджег его и примял большим пальцем, который тут же стал черным. Из трубки донесся низкий, булькающий звук – он затянулся. И тут произошло кое-что необычное: все его лицо переменилось. Щеки втянулись, будто вот-вот коснутся друг друга, а затем он выпустил дым, и лицо его снова надулось.

– Работы много, – сказал он, туша спичку.

– Могу выделить вам одного человека, – ответила я, подумав о Джоне Джейкобсе, помощнике садовника. – Может быть, двух.

– Лучше двух. И совочки.

– Какие совочки?

– Лопатки для работы.

– Этого у нас достаточно.

Облако синего дыма поднялось и зависло над его головой.

– Миссис Претти, – сказал он, – я должен быть с вами откровенен. Эти курганы наверняка давным-давно разграбили. Те, что находятся поблизости, к примеру, обчистили в семнадцатом веке. Не хочу, чтобы вы на что-то особенно рассчитывали.

– Но вы возьметесь за работу?

– Возьмусь... Если мы обо всем договоримся.

– Конечно. Вы можете остановиться у Лайонсов. Мистер Лайонс – мой шофер, а миссис Лайонс – главная кухарка. У них есть свободная комната над гаражом. Что касается оплаты: один фунт, двенадцать шиллингов и шесть пенсов в неделю вас устроит?

Он резко и несколько грубовато кивнул.

– Я все организую: оплату будете получать еженедельно в магазине «Футмэн Претти» у кассира. Это в Ипсвиче. Если будут еще какие-то траты, дайте знать. Когда меня нет, можете обращаться к дворецкому – мистеру Грейтли, он все передаст. Как думаете, сколько времени уйдет на все про все?

– Недели четыре или пять. Шесть максимум.

– Так долго?

– Я постараюсь как можно быстрее. Но в таком деле спешка ни к чему.

– Понимаю. Только переживаю, что так много времени у нас может и не быть.

– Тогда надо начинать без промедлений.

– Верно. Когда сможете начать? В следующий понедельник получится?

– Вполне.

Распахнулась дверь, и в комнату вбежал Роберт. Он пошел было ко мне, но остановился в центре ковра:

– Фу! Что за ужасный запах, мама? Опять сено горело?

– Робби, это мистер Браун, – сказала я.

Браун встал. Голова его пронзила дымчатое облако.

– Это мой сын Роберт, – сказала я и тоже встала.

Было ясно, что мистер Браун удивлен: он смотрел то на меня, то на Робби. Но вскоре на смену легкому замешательству пришло вежливое внимание – он взял себя в руки.

– Добрый вечер, молодой человек.

Роберт ничего не ответил, а только продолжил на него смотреть.

– Мистер Браун – археолог, – продолжила я. – Он займется нашими курганами.

Роберт снова повернулся ко мне:

– Курганами? А зачем?

Мои руки лежали у него на плечах, и, когда он шевелился, я чувствовала, как под кожей двигаются его костяшки.

– Будет искать сокровища.

В понедельник в газете появилась реклама того, что называли «консервированным хлебом»:

В ответ на широкий спрос населения компания «Ривита» объявляет, что их всемирно известные хрустящие хлебцы теперь продаются в специально запечатанных формах – воздухо- и газонепроницаемых. Питательный хлеб насущный из непросеянной муки, который так высоко ценится врачами и стоматологами, – идеальный продукт, который можно отложить про запас.

Изучая объявление, я краем глаза заметила какое-то шевеление. Я глянула через стол – Роберт все никак не мог доесть яйца и бекон. Вилка и нож в его руках казались огромными, было ощущение, что еще немного, и он их выронит.

– Ты точно справишься, дорогой?

Роберт продолжил есть, ничего не ответив – так он был занят. Закончив, он отложил приборы, а затем аккуратно промокнул губы салфеткой. Он зажал ее между пальцами и уставился на пятно от желтка, которое осталось на ткани.

– Я могу идти? – спросил он.

– Если ты доел, то конечно.

Роберт кивнул. Подбородок у него был таким же белым, как тарелка.

– Что будешь делать?

Он помолчал, а затем сказал:

– Хотел посмотреть, здесь ли мистер Браун.

– Робби, не надо его отвлекать, он работает.

– Но, мама, можно я просто посмотрю? – Голос его стал выше, он начал слегка растягивать слова.

– Попозже. А пока не мешай ему. Давай ты пойдешь к себе и поиграешь со своими паровозиками? Хочешь, позовем мистера Лайонса?

– Я не хочу опять играть с мистером Лайонсом.

– Робби, не канючь. Что я тебе говорила?

– А когда вернется мисс Прайс?

– Ты и так знаешь. В конце следующей недели.

Роберт слез со стула и театрально прошагал к двери – голова поникла, плечи опущены. Через пару секунд появился Грейтли. Он подставил ногу, чтобы распашная дверь за ним не захлопнулась. Я убрала газету, чтобы ему было проще забрать у меня тарелку.

– Мистер Браун уже здесь?

– Да, с семи утра, мэ.м.

– С семи? – переспросила я с удивлением.

– Да, мэ.м. Но я просил его подождать, пока вы позавтракаете.

Мистер Браун ждал у черного входа. Одежда на нем была та же, что и вчера. Я извинилась, что заставила ждать, хотя меня не покидало чувство, что, даже если бы я вышла на пару часов позже, он бы все равно не ушел. Утро выдалось прекрасным: солнце уже вовсю проглядывало сквозь облака. Мы снова отправились к курганам. Правда, на этот раз я предложила пройти через корт для сквоша.

Там я прихватила поисковый щуп. Это стержень длиной в пять футов, заостренный с одного конца. По виду и размеру напоминает копьё, только с круглой ручкой. Браун предложил понести его за меня, но я сказала, что прекрасно справлюсь сама. Он кидал в мою сторону заинтересованные взгляды, но в свои намерения посвящать его я пока не стала.

Когда мы приблизились к кургану, кролики кинулись врассыпную. Их, наверное, было с сотню. Целая куча белых хвостиков неторопливо пробирались через высокую траву напрямик к лесу. Уильям Спунер, наш егерь, отстреливает их как может, и отдает мистеру Триму, мяснику в Вудбридже. Сейчас, правда, Трим сказал, что больше кроличье мясо он брать не будет – видимо, нет спроса. Посоветовал нам отсылать тушки на местные псарни.

– Миссис Претти, вы не думали, с какого кургана вам бы хотелось начать?

– Думала, – ответила я и указала на самый крупный. Тот, что мы уже осматривали.

Мистер Браун посмотрел на меня, а затем покачал головой:

– Я бы не советовал. И дело не в том, что мне просто не хочется.

– Вы бы не советовали?

– Нет, – ответил он.

– А почему?

– Наверху почва рыхлая, посередине какое-то углубление. Его явно уже успели разграбить. В восемнадцатом веке грабители опускали туда древко – так называемая «флейта грабителя», – надеясь добраться до центра, прорывали туннели. Лучше попытаться счастья с курганами поменьше. И быстрее будет, и не так затратно.

– Тогда какой курган лучше выбрать?

Он подошел к самому маленькому. В высоту – не больше пяти футов, хотя и с необычайно плотным папоротником, растущим прямо сверху. Браун похлопал ладонью по насыпи:

– Можно попробовать этот.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы обдумать его предложение. Я-то думала, что мы начнем с самого большого. Мы это обсуждали еще с Фрэнком, и оба об этом мечтали.

– Как скажете, – ответила я. – Но для начала можно вас кое о чем попросить.

Я протянула Брауну щуп:

– Можете пройти этой штукой по кургану. Посмотрим, может, мы на что-то наткнемся.

Мистеру Брауну удивительно хорошо удалось скрыть удивление – брови его почти не пошевелились. Он сказал только:

– Прямо сверху, миссис Претти?

– Да.

Он поднялся наверх и, оказавшись в центре, поднял руки над головой, после чего с силой воткнул щуп в землю. На первые три фута он вошел легко, затем послышался приглушенный стук, и дальше щуп не шел. Браун приложил усилие, лицо его приняло еще более серьезное выражение, чем прежде, но тщетно.

– Там что-то есть, – сказал он, спустившись ко мне. – Что именно – не знаю, но да, что-то точно есть.

Он отдышался, а затем внимательнее оглядел щуп:

– Никогда не видел подобного инструмента.

– Мой покойный муж сделал его на заказ у кузнеца в Бромсвелле, – сказала я. – Конструкцию придумал сам.

– Сам? – переспросил Браун, крутя щуп в руках. – Seriously?

К нам кто-то шел – голоса становились все слышнее. Спунер и Джон Джейкобс. Джейкобс – плотный мужчина с седыми бакенбардами. Спунер помоложе, у него аккуратно уложенные темные волосы и длинная борода. Он кажется очень скромным, а моя горничная Эллен говорит, что местные девушки от него без ума. Я представила их мистеру Брауну. Пожав друг другу руки, мужчины остались стоять в нерешительности и ничего не говоря.

Предположив, что я их несколько смущаю, я пошла обратно, чтобы они могли наконец начать работу.

Насчет мистера Брауна я ошибалась. Никакой он, конечно, не лосось, а самый настоящий терьер. Когда днем я вновь вышла к курганам, то увидела, как в воздух подлетела целая куча земли. Папоротник вытащили, а на склоне кургана образовалось клиновидное отверстие. Было что-то поразительное и странным образом печальное в этой картине, в этой выдернутой траве и открывшейся взору влажной земле. Холм казался голым, как будто над ним чуть ли не надругались.

В качестве места для чаепития я предложила мужчинам сторожку пастуха – домик на колесах, обитый рифленым железом, который обычно стоял в огороде. Мы хранили там садовые инструменты. Домик перевезли на ровный участок возле леса. Только увидев его на новом месте, я поняла, насколько же он старый. Боковые стенки отходили от каркаса. Неподалеку тихонько догорал костер. Подойдя ближе, я почуяла запах еловых шишек.

Джейкобс и Спунер разговаривали, навалившись на свои лопаты. Заметив меня, они тут же замолчали. Мы трое встали в линию, а мистер Браун тем временем продолжал раскидывать землю, при этом лишь только часть ее оказывалась в тачке, стоявшей за его спиной, остальное разлеталось в стороны. Как только тачка наполнилась, Джейкобс покати ее к лесу и вытряхнул содержимое на уже довольно приличный холмик земли. Разбрасывать землю, как вздумается, было нельзя, поскольку курган после окончания раскопок должны были вернуть в первоначальное состояние.

Браун еще пару минут продолжал выкапывать землю, не замечая ничего вокруг. Затем он выпрямился – колени выпачканы, на кепке тоже грязь.

– Хотела узнать, не нужно ли вам чего?

– Спасибо, миссис Претти, ничего не нужно. Да, ребята?

Спунер и Джейкобс заулыбались. Понятное дело, что Браун произвел на них такое же сильное впечатление, как и на Роберта. И стоило мне только об этом подумать, как из пастушьей сторожки вышел сам Роберт. Он размахивал из стороны в сторону бамбуковой палочкой и старался не смотреть на меня.

– Вот ты где, Робби.

– Я тут недолго, мама, – сказал он отрывисто. – Мистер Браун мне тут рассказывал всякое...

– Что же он рассказывал?

– Ну, вот ты знаешь, какая часть тела самая важная для археолога?

– Нет, не знаю.

– Нос! Да, мистер Браун?

Браун засмеялся, а через мгновение к нему присоединились Джейкобс и Спунер.

– Робби, давай ты не будешь приставать.

– Да он не мешает, – сказал Браун. – Даже помогает. Да, молодой человек?

Роберт покраснел от гордости и смущения.

– Мистер Браун говорит, что все надо вынюхивать. И еще он рассказывал, что делает. Сначала он прорубил отверстие, а потом начал копать, чтобы понять, есть там что-то или нет.

– И что же говорит ваш нос, мистер Браун? – спросила я.

Браун нагнулся, взял пригоршню земли и растер ее пальцами.

– Видите, какая рассыпчатая. Это от первоначальной копки – смешали землю и песок. Так что сначала мы пойдем вширь, потом опустимся на первоначальный уровень – все как сказал господин Роберт. От двух до восьми футов. Там будет понятно по цвету земли. Думаю, она будет темнее, если ее не трогали. Вот там, наверное, и будет погребальная камера. Такой прямоугольник более светлой почвы, что-то вроде люка.

– Не знаете, курган уже вскрывали?

– Пока рано судить. Но мы уже кое-что нашли.

Он отошел к чему-то длинному и серому и пнул его ногой.

– Что это такое?

– Камень, миссис Претти. На него-то я, видимо, и наткнулся этим вашим... инструментом. Начало положено, но будем надеяться, что нам удастся обнаружить что-нибудь посущественнее.

Я пошла обратно в дом. Овернулась, но Брауна не увидела. Видимо, он продолжил копать. Я заметила только блеск лопаты и землю, подлетающую в воздух.

В семь часов я поднялась наверх, чтобы переодеться к ужину. В спальне меня ждала Эллен – крупная девушка с необыкновенно бледными пальцами. Видно, дело в плохом кровообращении. Зимой ей вечно холодно. К нам в дом она устроилась два года назад, и тогда она показалась мне какой-то нерасторопной. Но на деле она оказалась весьма шустрой и вни-

мательной. Одна беда: недавно она начала пользоваться весьма крепкими духами – сладкими и резкими.

Она стояла возле открытого шкафа. Внутри – множество платьев, многие из которых до сих пор висели в своих муслиновых чехлах.

– Что хотите надеть сегодня, мэм?

Я указала на одно из платьев без чехла. Особенно наряжаться необходимости у меня не было.

– Снова зеленое шелковое, мэм? Да, вы его любите.

Эллен помогала мне надеть платье и заодно рассказывала о делах прислуги. Поначалу я боялась, что буду уставать от ее болтовни, но наши разговоры мне нравились, и я с нетерпением их ждала. Да и к тому же от Эллен я узнаю гораздо больше, чем смогла бы вывести сама. И нет, она не сплетница, просто искренне интересуется людьми и очень чутко подмечает их особенности.

Правда, про себя она рассказывает не так откровенно. Она несколько месяцев ходила на свидания с парнем из Вудбриджа, но вот уже пару недель как о нем ни слова. Видимо, поссорились.

Когда я оделась, Эллен спросила, не хочу ли я, чтобы она поправила мне прическу. Я ответила отрицательно.

– Давайте тогда расчешу вас, мэм.

– Спасибо, не надо, дорогая.

Интересно, Эллен замечала, что у меня выпадают волосы? Наверняка. И хотя она, конечно, и болтушка, внутренне она прекрасно чувствует, о чем надо молчать. Еще одно из ее достоинств.

В восемь Грейтли постучал в дверь, которая ведет из столовой на кухню. Не перестаю удивляться, как такому костлявому человеку удастся стучать так мягко. Как будто на кулаке у него подушечки. Он молча внес супницу, поставил ее на стол.

Грейтли разлил суп и спросил, не хотела бы я послушать новости. Решив, что я скажу «да», он уже подошел к буфету и поднял крышку радио. Но слушать новости мне не хотелось. Наверняка передают что-нибудь тревожное или грустное, а может, и то, и другое. Так что я сказала, что лучше почитаю.

Грейтли ушел, а я открыла отчет Говарда Картера о раскопках гробницы Тутанхамона и прислонила ее к супнице. Все чаще я читаю о прошлом. Моя отдушина. Есть что-то особенно приятное в том, чтобы читать о событиях минувших дней. В отличие от тех, что еще толком не произошли и словно нависают над головой.

И вот я вновь читаю воспоминания Картера о том, как они обнаружили гробницу фараона.

Время как фактор человеческой жизни потеряло свой смысл. Три или четыре тысячи лет, может быть, прошло с тех пор, как человеческая нога в последний раз ступала на пол, на котором вы стоите, и все же вы замечаете признаки недавней жизни вокруг себя – наполовину заполненную чашу раствора для двери, почерневшую лампу, след от пальца на свежeverкрашенной поверхности, прощальную гирлянду, упавшую на порог – кажется, этими вещами пользовались еще вчера.

Грейтли вернулся с основным блюдом – тушеная говядина с морковью. От тарелки вкусно пахло, и у меня начинал разыгрываться аппетит. Отчасти чтобы не сразу браться за еду, я спросила у Грейтли, как дела у его жены, работавшей медсестрой в местной больнице.

– Дела у нее хорошо, спасибо, мэм.

– А у тебя как дела, Грейтли?

– И у меня все хорошо, – проговорил Грейтли.

– Как твой радикулит?

– Дает о себе знать иногда, мэм. Но ничего страшного.

Он ушел, а я сумела проглотить лишь пару ложек, а потом отставила тарелку. Я вновь было принялась за чтение, но никак не могла сосредоточиться. Мысли так или иначе возвращались к Фрэнку. С одной стороны, я почувствовала такое облегчение, что наконец занялась тем, что было для него так важно, а с другой – так я только острее чувствовала, что его рядом больше нет. И вновь мне подумалось, что удивительным образом эти раскопки сродни экстазии.

И хотя я часто об этом думала, все равно мне казалось, что все как-то забывается. Воспоминания стираются, как бы я ни старалась за них ухватиться. Глядя в книгу, я припомнила: Картер писал, что о том, как он впервые взглянул в гробницу, он ничего толком не помнит. Впечатления сгрудились, и в итоге ни одно из них надолго в голове не удержалось. И через пару месяцев он внезапно с удивлением понял, что память его словно чистый лист.

Лицо Грейтли, убиравшего со стола, как всегда, оставалось невозмутимым.

– Поблагодаришь от меня миссис Лайонс? – спросила я. – Говядина великолепная. Вот только есть мне сейчас что-то не хочется.

– Думаю, все дело в погоде, мэм.

– Да, – согласилась я. – В погоде.

– Я еще вам нужен, мэм?

– Нет, спасибо.

– Тогда хорошего вам вечера.

– И тебе, Грейтли.

Наверху я зашла к Роберту. С недавнего времени по неясным для меня причинам он начал постоянно рисовать гору Маттерхорн. Когда я спросила, почему он ее рисует, он не ответил. Плечи его свернулись, словно он пытался сжаться и скрыться от моего взгляда. Рисунки все были одинаковые, или почти одинаковые – видимо, потому что он переводил их из книжки. Некоторые из них Роберт приколот к стене, и, когда я зашла в комнату, бумага зашелестела от поднявшегося сквозняка.

Роберт спал, скинув почти что все одеяло. Одна нога у него торчала – пальцы уперлись в матрац, а белая пятка, напротив, возвышалась.

Я прикрыла его ногу, затем поцеловала в лоб. Роберт тихонько заворчал во сне или просто вздохнул, но не пошевелился.

На следующий день мне сообщили, что ко мне с визитом прибыл мистер Мэйнард из Ипсвичского музея. Мэйнард – куратор музея и заместитель мистера Рида-Моира. Грейтли сказал, что тот направился сразу к месту раскопок, боясь, что может меня потревожить. Я решила, что тоже пойду посмотрю, как продвигаются дела у мистера Брауна.

Ночью шел дождь, и трава все еще была влажной. Приходилось идти с осторожностью. Послышался крик – мне навстречу неся Роберт. Вокруг головы у него была эластичная повязка, а в нее воткнуты несколько перьев. Я остановилась и стала наблюдать за его приближением. Мне казалось, что он остановится, но он продолжал свой забег – руки раскинуты, рот широко открыт, щеки надуты.

Он добрался до меня, обхватил за ноги, а я вцепилась в его плечи:

– Остановись, милый.

Я боялась, что могу повалиться на спину. На мгновение мне показалось, что он будто не слышал меня или делает вид, что не слышал, и его ноги продолжают бежать.

– Хватит, дорогой, – сказала я еще раз и отстранилась.

Он перестал сучить ногами и смущенно поглядел на меня, будто все вокруг вдруг стало ненастоящим.

– Робби, води себя спокойно. А то так влетишь куда-нибудь.

– Прости, мама, – ответил он.

Он развернулся и зашагал к одному из отвалов. Чувствуя себя несколько удрученно, я поглядела вслед Роберту, пытаясь по его плечам понять, как он себя чувствует.

Мистер Мэйнард и мистер Браун стояли с той стороны кургана. Первая траншея, шире, чем раньше (там теперь вполне могли поместиться два человека), тянулась до самого центра. Под прямым углом к первой траншее находилась вторая – более узкая, но тоже доходившая до центра.

Мэйнард – суетливый, вечно раздраженный мужчина. Было в нем что-то влажное, наверное, потому что глаза у него вечно будто на мокром месте. При всем желании сказать, что Мэйнард – приятный собеседник, не получится. Но порой, когда он пребывал в особенно хорошем расположении духа, на лице его появлялась слабая, далекая улыбка, как если бы в каком-то сокровитном закутке его мозга он наслаждался влиянием, которое оказывал на других.

Я поздоровалась, и мистер Браун спросил, не хочу ли я поглядеть, что они уже успели сделать. Я ответила, что очень хочу.

– Но ваша обувь, миссис Претти, – сказал Мэйнард печально. – Запачкается.

– Ничего страшного, мистер Мэйнард. Как видите, обувь у меня что надо.

Странное это чувство, когда заходишь в курган. Сильный земляной запах окружил меня. Пахло корнями, сыростью и перегноем. Глиняные стенки блестели от влаги, четко виднелись следы от лопат. А еще хорошо различались земляные слои – широкие полосы по обе стороны от меня. Кое-где стенки уже начали осыпаться, и там в качестве подпорок стояли доски.

В конце траншеи вырыли яму, на дне которой я заметила участок более светлой земли с нечеткими краями. По контуру стояли колышки, обвязанные веревкой. Браун указал на яму:

– Вполне возможно, что это вход в камеру. Хотя кто знает – может, там просто скопилась вода. Иногда черт его разберет.

– Выход очевиден: надо копать дальше, тогда и увидим, – сказала я.

Мистер Браун начал посмеиваться:

– Да, это выход что надо. Я бы тоже такое предложил. Мы с мистером Мэйнардом как раз обсуждали, что делать дальше. Он говорит, надо бы прорыть третью траншею вот здесь, – начал Браун, указывая на ту часть кургана, рядом с которой успели прорыть более узкую траншею. – А мне кажется, что нам здесь хватит и двух.

Я повернулась к мистеру Мэйнарду, который стоял прямо позади.

– По правилам нужно три траншеи, – упрямо проговорил он. – Так мы точно будем уверены, что ничего не упустили. Мистер Рид-Моир всегда настаивает на трех траншеях. Всегда.

– Конечно, мистер Мэйнард, тщательность очень важна. И халтуры мы не допустим. Но в то же время не стоит забывать, что время несколько поджидает.

– Поджидает? – Он глянул на меня своими влажными глазами. – Что-то я не пойму.

– Мы зависим от ситуации, на которую никак не можем повлиять.

Мэйнард несколько раз моргнул, а затем, понизив голос, сказал:

– Вы намекаете на ситуацию в мире, мадам?

– Именно так.

Затем повисла продолжительная пауза. Мистер Мэйнард стоял, совсем не шевелясь, а затем медленно на его лице стала появляться та самая слабая, далекая улыбка.

Я посмотрела на Брауна, который привлек мое внимание. Мы еще немного помолчали, и наконец мистер Мэйнард сказал:

– Скажу мистеру Риду-Моиру, что двух траншей, судя по всему, будет достаточно. Учитывая обстоятельства.

– Большое спасибо, мистер Мэйнард. Вы очень любезны.

Мы с Мэйнардом отправились обратно к дому. Роберт тоже пошел с нами. Я заметила, что он старался держаться на безопасном расстоянии. Каждый несколько шагов он подпрыгивал и издавал пронзительный возглас. Затем бежал вперед, останавливался и ждал, пока мы его нагоним.

– Хороший мальчик, – сказал Мэйнард. – Очаровательный. У вас много внуков, миссис Претти?

– Роберт – мой сын.

Кожа у Мэйнарда – светлая, и сейчас с поразительной скоростью меняла оттенки. Все его лицо и даже уши стали пунцовыми.

– Мне так неловко, простите.

– Не берите в голову, мистер Мэйнард. На вашем месте любой бы так подумал.

В среду утром я, как обычно, отправилась в Лондон. После завтрака Лайонс подогнал автомобиль к главному входу. Он ждал меня в своей темно-синей форме, солнце блестело на пуговицах. Роберт вышел меня проводить. Было слышно, как тяжело я ступаю по гальке, как она шумит под моими ногами. В отличие от Роберта. Его шажков почти не слышно.

– Ты найдешь, чем заняться, пока меня не будет?

– Мистер Браун сказал, я могу помочь с раскопками.

– Да? Смотри только, как бы не...

– Что «не», мама?

Я покачала головой:

– Ладно. Ничего.

Я поцеловала Роберта, а он, чуть шурясь, продолжил на меня смотреть.

– Что такое, дорогой?

– Шляпа твоя.

– А что моя шляпа?

Он захихикал:

– Сидит криво.

Я поправила шляпу и спросила:

– Так нормально?

– Да, – ответил он, все же немного сомневаясь.

Пока мы ехали в Вудбридж, начался небольшой дождь. Мы встали за колонной военных грузовиков, в кузове которых сидели люди в форме. Они смотрели наружу, их белые лица сливались в единую послушную массу, а сами они раскачивались из стороны в сторону. Конвой двигался так медленно, что я забеспокоилась, что могу опоздать на поезд. Однако, когда мы приехали на станцию, выяснилось, что поезд отменили из-за аварии на путях в Ипсвиче. А до следующего поезда был еще час.

Вместо того чтобы сидеть и ждать, я решила прогуляться по городу. Лайонса попросила остаться на станции, сказав, что скоро вернусь. Затем я вышла на Маркет-стрит и направилась в сторону гостиницы «Булл».

На полпути я подошла к дверям магазина, обернулась и поглядела на устье. Был прилив, но лодок виднелось немного. А те, что попадали на глаза, вяло дрейфовали, хлопая парусами на ветру. Спустя какое-то время меня настигло весьма неприятное чувство. Мне показалось, что за мной следят. Сначала я подумала, что это паранойя, и постаралась выкинуть бредовую мысль из головы. Но избавиться от тревожного ощущения, как я рассчитывала, мне не удалось, и, более того, подозрения мои только усиливались.

Я снова остановилась и оглянулась. На этот раз я все же не продолжила свой путь, а так и осталась стоять. Через пару секунд из-за угла показался Лайонс. Он сразу меня заметил, хотя и сделал вид, что нет. Тем не менее особого выбора у него не было – он пошел в моем направ-

лении и начал присвистывать. Когда он добрался до двери, возле которой я остановилась, я сделала шаг прямо ему навстречу.

– Мистер Лайонс...

– Ой, – воскликнул он. – Это вы, мэм.

Пару секунд мы стояли и смотрели друг на друга. Лайонса я знала больше тридцати лет. Он начинал работать еще на моего отца, а когда мы с Фрэнком переехали в Саффолк, он с женой поехал с нами. Тогда-то между нами и возникло какое-то взаимопонимание.

– Мистер Лайонс, а вы, случайно, не следили за мной?

Лайонс – человек грубоватый по своей натуре, выглядеть смущенным ему не пристало. Он склонил лицо, пока черный козырек его фуражки не обратился ко мне своей огромной глупой улыбкой.

– Я, безусловно, ценю вашу заботу, – сказала я, – но уверяю, я прекрасно справлюсь сама. А теперь давайте вы пойдете к машине и подождете меня там, как мы и договаривались. Я быстро. Двадцать минут, не больше. Если не вернусь через двадцать минут, тогда можете отправляться на поиски. Как вам такой план?

Лайонс согласился с предложенным и пошел вниз с горки. Я прошла мимо «Булла» и военного мемориала и добралась до церкви Св. Марии. Напротив стояла припаркованная машина. Хотя внутри никого не было, стеклоочиститель работал. Он терся о лобовое стекло, издавая сухой скрипучий звук. Резина подрагивала, двигаясь туда-сюда. К дверям церкви вела дорожка, с обеих сторон обсаженная серебряными липами. Дверь была открыта. Внутри было намного прохладнее, насыщенный сладкий запах цветов сменился церковным: старые книжные переплеты и полироль для дерева. Больше в церкви никого не было.

Я села на одну из скамеек, затем опустила на колени, и в них впились пучки жесткой шерсти. В нише с одной стороны кафедры были три резные фигуры: посередине Дева Мария и два святых по бокам, чьи руки были сложены на груди, а взгляд направлен на Деву Марию. Я сложила руки вместе, как в детстве, надеясь, что снова смогу ощутить ту же уверенность и то же спокойствие, которые чувствовала тогда. Я начала молиться. О мире, конечно, и о Роберте. Я знаю, что ему скучно. И подозреваю, что одиноко. Ни в поместье, ни в деревне не было детей его возраста, чтобы поиграть.

Я пыталась привлечь детей из Бромсвелла и Мелтона в наш особняк, но ничего не вышло. Видимо, их родителей эта идея не особо увлекла.

Я помолилась за сына, а затем попросила совета. Мне нужно было знать, куда идти и зачем, хотелось хоть какой-то осмысленности и взаимности. Но сегодня мои молитвы совсем не складывались – даже больше, чем обычно. Неуклюжие, тяжеловесные, не знающие, к кому обратиться. Я вышла на улицу и заметила, что машина уехала, хотя скрежет дворников как будто бы никуда не делся и доносился как отдаленное эхо.

Лайонс ждал меня на станции, как мы и договорились. Безусловно, ему любопытно, чем же я занимаюсь каждую неделю во время своих выездов. Но думаю, ни ему, ни кому бы то ни было еще невдомек, зачем же я на самом деле куда-то езжу.

Когда поезд прибыл, шофер помог мне зайти в вагон и нашел мое место. Из-за того, что предыдущий поезд отменили, людей набилось гораздо больше обычного. Лайонс стоял на платформе, руки по швам, и ждал, когда вагон тронется.

Втроем мы, наверное, представляли странную процессию. Сначала шел Лайонс с плетеным стулом. Потом Роберт и, наконец, я. Стул поставили на вершине холма, чтобы я наблюдала за раскопками. Роберт сел у моих ног, а Лайонс – на корточках рядом. Было намного холоднее, чем накануне, хотя облака висели высоко и почти неподвижно. Я надела перчатки из овчины и самое теплое зимнее пальто, которое застегнула под горло.

Мужчины уже начали копать, когда мы пришли. Пока что, правда, они не обнаружили ничего, кроме кроличьих скелетов. Кости переплелись так, что находка напоминала птичье гнездо.

Роберт почти не шевелился и смотрел на мужчин за работой. Ни разу я еще не видела его таким поглощенным. Я все боялась, что он будет мешаться, но раскопки его, видимо, по-настоящему увлекали.

Мистер Браун опустил на землю и приблизил к ней лицо – явно на что-то наткнулся. Из заднего кармана он выудил кисточку и начал смахивать землю. Лицо его, казалось, еще больше заострилось, а я почувствовала явное возбуждение – во мне загорелось чувство надежды и попытаться его затушить было слишком поздно.

Я приподнялась, уперев руки в подлокотники плетеного кресла.

– Что там, мистер Браун?

– Что-то есть, – ответил он приглушенным голосом. – Но черт... Только Богу известно, что это.

Мы втроем подались вперед. Мистер Браун еще пару минут работал кисточкой, а затем остановился.

– Вот, – сказал он.

Он выставил указательный палец:

– Видите? Кусок дерева. На нем темные пятна. Как будто что-то жгли. Может, грабители, чтобы согреться.

Со своего места я видела только какую-то неясную рябь на оранжевой глине. Роберт наклонился вперед так сильно, что я схватила его за руку, чтобы он не полетел вниз, в яму.

– Аккуратнее, дорогой.

– Но я хочу посмотреть.

Он все тянулся, а я его держала – это все, что я могла сделать.

– Потерпи, все увидишь. Понимаю, что ты хочешь посмотреть, но что делать.

Весь следующий час мистер Браун продолжал орудовать кисточкой. Наконец он закончил, деревяшка увидела свет, ее замеры и записали цифры в старенький блокнот, который Браун носил с собой.

Мистер Браун сказал, что поначалу решил, что деревяшка – это крышка гроба. Но его смущали скругленные углы и загнутые края. И тогда Спунер, работавший до Саттон-Ху мясником в поместье Филдингов в Бардси, сказал, что такие края напоминают ему поднос для мяса. Браун решил поднять деревяшку и посмотреть, что под ней. Помочь он попросил Спунера, Джейкобса и еще Лайонса. Каждому досталось по углу.

Мистер Браун прошелся под деревяшкой ножом, чтобы поднять ее ничего не помешало. Затем мужчины потренировались на двух досках, держа их в равновесии и должным образом поддерживая. Как только Браун все устроило, они спустились в вырытую яму.

– Так, ребята, на счет три.

С первого раз ничего не вышло. Со второго и третьего тоже. Они тяжело вздыхали и кряхтели, ноги их напрягались, но все без толку. Сырая земля, казалось, всосалась в дерево и не желала его отпускать. Но с четвертой попытки, под еще более громкие увещевания мистера Брауна, деревяшка наконец оказалась на свободе.

– Вот так, вот так. Пошла, пошла...

Мы с восторгом наблюдали, как кусок дерева медленно выходит из земли. Мне показалось, что деревяшка довольно ровная, симметричной формы. Руками я обхватила Роберта – теперь он облокотился на меня и сидел, развалившись, как мешок.

Трое мужчин готовы были выпрямиться и поднять находку, как вдруг Браун закричал:

– Клади! Клади на место!

Мужчины как можно быстрее уложили деревяшку обратно, но поздно. Не издав и звука, она разломилась на две части. А затем одна из этих частей треснула посередине. На этот раз мы услышали глухой, извиняющийся хруст. Все три обломка оказались на земле.

Все четверо опустили на колени лицом к лицу друг к другу. Никто не проронил ни слова. Первым пошевелился мистер Браун. Он вылез из ямы и направился в сторону леса. По нему было видно, как он зол на себя и как расстроен. Руки его сжались в кулаки, локти торчали в стороны. И тут он начал нарезать небольшие круги.

Трое других мужчин, оставшихся в яме, вылезли и отряхнулись от земли. Все молчали. Я решила, что лучше нам будет уйти. Я подала знак Лайонсу и Роберту, который, казалось, меня понял и не стал протестовать. Лайонс взял стул и в том же порядке, в каком пришли, мы отправились обратно.

Следующим утром на почту пришло два письма. Первое от Рида-Моира. Он интересовался, как продвигаются раскопки. К сожалению, рассказывать особенно было не о чем. Под деревяшкой, найденной накануне, в итоге ничего не оказалось, и мистер Браун сказал, что продолжать поиски в этом направлении смысла нет. Так что мы решили перейти к следующему кургану. Я предоставила ему возможность самостоятельно выбрать, где проводить раскопки дальше, и решила больше не вмешиваться, пока у Брауна не будет, о чем рассказать.

Второе письмо пришло от мисс Прайс, которая сообщала, что не собирается возвращаться в Саттон-Ху, где она числилась гувернанткой Роберта. Она очень извинялась, но писала, что решила остаться у семьи на юго-западе от Лондона.

Этого письма я, с одной стороны, ждала, а с другой – боялась получить. Я подняла глаза и увидела любопытствующий взгляд Роберта. Но ничего не сказала, надеясь, что он не узнал почерк мисс Прайс. После завтрака я устроилась в гостиной и стала думать, что же мне дальше делать.

Даже и не заметила, как уснула. Да и с чего вдруг – я ведь даже не устала. Но вот я просыпаюсь из-за звука голосов. За голосами я различила другой звук – низкий, тревожный, как звуки фагота. Сквозь французские окна я увидела Грейтли, бежавшего по газону. Кажется, я еще ни разу не видела его на открытом воздухе. На солнце он выглядел еще бледнее обычного, и, видимо, яркий свет заставлял его нервно подпрыгивать в его фраке.

Еще больше меня удивило то, что рядом с ним в тандеме бежала Эллен. И в какой-то момент рука Грейтли как будто скользнула вниз по ее спине.

Я позвенела звонком, но никто не пришел. Позвенела еще, нетерпеливо трясая рукой, и наконец ко мне зашла миссис Лайонс. Волосы ее все перепачкались в муке.

– Что случилось? – спросила я. – Мистер Браун что-то нашел? Почему мне не сообщили?

– Мэм... Произошел несчастный случай.

– Несчастный случай? Какой еще несчастный случай?

– На раскопках.

Я встала, взяла в коридоре пальто и поспешила на улицу. Подходя к курганам, я сразу же увидела, что произошло. Во втором кургане, как и в первом, была прорыта траншея. Однако одна ее сторона полностью обрушилась. Целый слой земли рухнул вниз, засыпав все, что было внизу. Джейкобс, Спунер, Грейтли и Эллен стояли на коленях и руками разгребали землю. И даже тут мне потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что мистера Брауна не видно.

– Вы точно копаете там, где надо? – крикнула я.

– Без понятия, – откликнулся Джейкобс, перекидывая пригоршни земли через плечо. – Мистер Браун стоял здесь один, когда все обрушилось. Но вроде он был где-то тут...

Я опустилась на колени рядом и запустила руки в сырую землю. И хотя неподалеку валялись лопаты, никто их не брал, боясь поранить мистера Брауна. Прошло еще несколько минут,

мы продолжали отбрасывать землю, но мистера Брауна найти не выходило. Вычерпывая очередную кучу, я глянула на наручные часы у себя на запястье, пытаюсь высчитать, сколько времени Браун провел погребенным заживо. А затем послышался крик Спунера:

– Я что-то нашел!

Я подняла глаза: Спунер держал в руках кепку мистера Брауна. Мы все окружили место, где лежала находка, и начали рыть землю.

Через пару минут Джейкобс наткнулся на руку мистера Брауна. Она торчала из земли, пальцы – согнуты и растопырены, манжет – все еще застегнут.

Мужчины схватили его за запястье и потянули. Мистер Браун выбрался из-под завала, в глазах и ноздрях – земля. Кожа его стала желтоватой. Спунер начал его отряхивать, а Джейкобс приложил ухо к его груди. Браун не дышал – грудь не шевелилась. Джейкобс сел на него верхом и начал откачивать, но ничего не происходило. Он наклонился вперед, закрыл Брауну рот и попытался вдуть воздух в его легкие. Подождав несколько минут, Джейкобс попробовал снова. В отчаянии он начал бить мистера Брауна кулаками, но удары были несильные, потому что он боялся сломать ему ребра.

– Давай, Бейзил! – кричал он. – Очнись!

Без толку. Эллен за моей спиной начала плакать. Джейкобс снова вскочил на ноги, и, как только он это сделал, все тело мистера Брауна содрогнулось, его начало трясти. Спина его изгибалась, ноги подскакивали вверх-вниз. Он долго откашливался и с шумом вдыхал воздух.

Чувство облегчения, овладевшее мной, было такой силы, что у меня закружилась голова. Грейтли тем временем принес воды. Он поднес к губам мистера Брауна жестяную чашку, и она застучала о его зубы. Большая часть воды пролилась, побежала по подбородку Брауна, что-то, однако, проглотить ему все же удалось. Какое-то время он лежал на земле, дыхание его успокаивалось. Затем он приподнялся на локте. Мистер Браун оглядел нас, стараясь сморгнуть грязь с глаз.

– Черт... – сказал он. – Черт побери.

Голос его звучал тихо, но отчетливо.

– Лежите смирно, – сказала я.

На мои слова он не обратил никакого внимания. Он взялся за рукав Джейкобса и потянул его вниз, на себя, затем начал загребать ногами так, что полетела земля.

– Что это вы делаете, мистер Браун?

Ноги его продолжили слабо двигаться, а сам он схватился за Грейтли.

– Будет прекрасно, если я встану, – ответил он.

– Нет, вставать вам точно не надо.

– Да, слушайте миссис Претти, – сказал Спунер.

Но Браун и не думал меня слушаться. С трудом Джейкобсу удалось высвободить рукав из хватки мистера Брауна, который с обиженным выражением повалился обратно на спину.

– Нам нужно на чем-то отнести его в дом, – сказала я мужчинам.

Они взяли кусок брезента и уложили Брауна по центру. Весил он совсем немного, так что трое мужчин понесли его с легкостью, а брезент под тяжестью Брауна почти не провисал. Я сказала, чтобы его отнесли в гостиную и уложили на диван. Сама же пошла в уборную, чтобы вымыть руки и набрать воды в кувшин, а когда вернулась, мистер Браун снова пытался встать, свесившись с края дивана. Но ноги его не держали, и он тут же повалился обратно на подушки.

– Мистер Браун, будьте добры, делайте, как вам говорят. У вас шок. И, возможно, сотрясение.

Он ничего не ответил, но продолжил лежать, глядя в потолок и крепко сжав губы. Через несколько секунд он снова тяжело задышал, и кофейная рвота вырвалась наружу, испачкала ковер.

Пока Брауну было плохо, я сидела рядом и поддерживала его голову. Затем дала ему еще попить, а потом взяла тряпку, миску с водой и замыла следы рвоты.

– Прошу прощения, – сказал он.

– Вам не за что извиняться.

Его опять затрясло, с губ сорвалось несколько стонов. Дыхание стало прерывистым, неглубоким. Уняв дрожь, он вновь лег и стал смотреть в потолок немигающим взглядом. Я дала ему еще воды. Слышно было, как громко он глотает. Мы оба ждали: станет ему снова плохо или нет. Когда стало ясно, что приступы тошноты, кажется, прошли, мистер Браун попытался заговорить.

– Вам лучше молчать, – сказала я.

Но губы его продолжили с трудом шевелиться.

– Кролики, – наконец проговорил он. И слово это как будто выпало откуда-то из уголка его рта.

– Кролики, мистер Браун?

– Кролики, – повторил он на этот раз более твердо. – Я же говорил, кролики для раскопок – это плохо.

– Говорили. Но сейчас не лучшее время, чтобы вновь поднимать этот вопрос.

– Я виноват, – продолжал он. – Надо было скрыть насыпи, а я поторопился. И никакого бы оползня... Но земля такая быстрая. Я уж думал, мне конец.

Глаза его затуманились и закрылись, но почти сразу же опять открылись. Браун пришел в себя, оглядел комнату и посмотрел на меня так, будто видит впервые.

– Вам не стоит этого делать, миссис Претти, – сказал он.

– Чего делать?

– Вот этого!

– Поверьте, мистер Браун, я и не с таким имела дело.

– В каком смысле?

– Во время войны я была младшей медсестрой.

– Да? Как так вышло?

– Я работала в местном госпитале рядом с поместьем моей семьи в Ланкашире. Туда привозили раненых из Франции. По крайней мере тех, у кого хватало сил доехать. Так, кому мне позвонить и сообщить о случившемся? Сказать, что с вами все в порядке? Извините, я ведь даже не знаю, женаты вы или нет.

– Женат, – ответил Браун. – Жену зовут Мэй.

– Хотите, я передам от вас что-нибудь? Можно запросто послать телеграмму.

– Не стоит.

– Уверены? Мне бы не хотелось, чтобы вести она получила не от нас и чтобы беспокоилась попусту.

Браун покачал головой.

– У нее нет привычки беспокоиться.

На стуле лежал плед, которым я обычно укрывала ноги. Я взяла его и накрыла мистера Брауна.

– Полежите здесь, сколько потребуется. Пospите, если хотите. Когда проголодаетесь или захотите пойти, позвоните в звонок. Я положу его вот сюда.

Я положила звонок на столик рядом с Брауном и направилась к двери. Но не успела ее открыть, как Браун снова заговорил. Решив, что он опять будет извиняться, я сказала ему прекратить.

– Да нет, не это, – он махнул рукой. – Другое.

– Что такое?

Он помолчал, а затем сказал:

- Я надеялся, что что-нибудь увижу.
 - Что увидите?
 - Пока я был под землей.
 - Не понимаю.
 - Я думал, что что-нибудь увижу. Какой-нибудь знак. Монского ангела, например.
 - И что, увидели?
- Браун покачал головой:
- Нет, ничего такого. Только пустота.

Я зашла пожелать Роберту спокойной ночи. Он сидел в кровати. Я заметила, что у него появилось несколько новых рисунков Маттерхорна, которые теперь начали захват второй стены в его комнате.

- Мама, а мистер Браун умрет? – спросил Роберт.
 - Нет, Робби.
 - Ты уверена?
 - Совершенно уверена.
- Он как будто недовольно вздохнул.
- Я думала, мистер Браун тебе нравится.
 - Нравится.
 - Хочешь я тебе почитаю?
- Роберт тут же преобразился:
- Да, пожалуйста!

Из стопки на столе я взяла книгу о греческих героях и открыла миф об Орфее и Эвридике. Орфей любил свою жену Эвридику так сильно, что, когда ее укусила змея и она умерла, он спустился в подземное царство, собираясь вернуть ее в царство смертных.

– Стоит Орфей на берегу Стикса. Как переправиться ему на другой берег, туда, где находится царство Аида? Вокруг Орфея толпятся тени умерших. Чуть слышны стоны их, подобные шороху листьев, падающих в лесу поздней осенью. Вот послышался вдали плеск весел. Это приближается ладья перевозчика душ умерших Харона. Причалил Харон к берегу. Просит Орфей перевезти его вместе с душами на другой берег, но отказал ему суровый Харон. Как ни молит его Орфей, все слышит он один ответ Харона: «Нет!» Ударил тогда Орфей по струнам кифары, и разнеслись по берегу Стикса ее звуки. Своей музыкой очаровал Орфей Харона; слушает он игру Орфея, опершись на весло. Под звуки музыки вошел Орфей в ладью, оттолкнул ее Харон веслом от берега, и поплыла ладья через мрачные воды Стикса. Перевез Харон Орфея. Вышел он из ладьи и, играя на золотой кифаре, пошел к Аиду, окруженный душами, слетевшимися на звуки его кифары.

- Мама... – начал Роберт.
- Да, дорогой.
- А мистер Браун всегда ходит в одном и том же?
- Не знаю.
- А как думаешь, белье он меняет?
- Уверена, что да.
- Но как же ты можешь быть уверена?
- Давай я еще тебе почитаю? Или будешь спать?
- Спать.

Я закрыла книгу, зажгла свечку на столике рядом с кроватью и выключила свет. Роберт, однако, остался сидеть. Тени так причудливо легли на его лицо, щеки, что на мгновение мне показалось, будто на меня смотрит Фрэнк. Смотрит очень серьезно и с каким-то упреком. Но тут тени изменили свое положение, и Роберт вновь стал ребенком.

- Мама...
- Да, дорогой.
- Думаешь, мистер Браун найдет сокровища?
- Не знаю.
- Но ты ведь надеешься, что да?
- Да, надеюсь.
- Я тоже очень надеюсь, – сказал он.
- Но слишком сильно рассчитывать не надо, ты ведь понимаешь.
- Понимаю.
- Спокойной ночи, Робби. До завтра.
- Спокойной ночи, мама.

Я лежала в кровати и слушала радио: обсуждали, как менялась мода с течением веков. Потом пустили номер Венди Той – «Голубая Мадонна» – танец под баховскую сюиту № 3. Когда она отыграла, я выключила свет и улеглась, надеясь, что скоро засну. Но не тут-то было – голова отказывалась отключаться.

Я пролежала часа два или три, а потом услышала скрип. Мистер Ломакс, у которого мы покупали этот дом, привозил дерево с Дальнего Востока (поэтому у нас так много деревянной обшивки), и каждый раз, когда холодает, дерево сжимается, и весь дом начинает ходить ходуном. Я полежала еще немного, затем накинула халат, надела тапочки и подошла к окну.

Я отвела занавеску и посмотрела на сад, залитый лунным светом. Все прекрасно просматривалось вплоть до реки, луна отражалась в воде. И даже в отражении на ее поверхности виднелись темные кляксы лунных морей.

Я уселась на подоконник и стала глядеть наружу, стараясь отогнать мысли, что пикировали на меня, словно стая разъяренных птиц. Было одно воспоминание, выкинуть из головы которое давалось труднее всего: вот Роберт бежит по траве, он раскинул руки, щеки надуты. А я его оттолкнула. Так себе мать. Я это прекрасно понимаю, и мысль эта не дает покоя, давит на меня. И я постоянно думаю, что хорошей матери из меня уже и не выйдет.

Все, что я могу (правда, с каждым днем все в меньшей степени) – это любить и поддерживать его. И защищать. Кажется, что я стою на невидимой границе его мира – вечно на пороге, не в состоянии его переступить. Мне бы так хотелось быть такой же бойкой и резвой, как он, но у меня нет ни сил, ни воображения под стать его.

Через некоторое время я пошла его проведать. В коридоре через эркерное окно довольно ярко светил свет. Я встала у его комнаты и прислушалась – было слышно, как он дышит. Медленно и, судя по всему, спокойно. Сама не знаю почему, видимо, чтобы не стоять на месте без дела, я прошла по коридору в сторону от моей комнаты. Дом перестал скрипеть, и стало тихо. Передо мной лежала ковровая дорожка. И хотя я прекрасно понимала, что бодрствую, было ощущение, что хожу как во сне. Ноги мои передвигались будто сами по себе: я прошла через один дверной проем, потом другой.

Вскоре я добралась до той части дома, которой пользовались нечасто. Даже когда Фрэнк был еще жив, мы редко сюда заходили, разве что когда принимали гостей. По обеим сторонам коридора – двери, которые вели в спальни, в которых никто никогда не останавливался, по крайней мере при нас.

Я дошла до конца коридора, развернулась и собиралась идти обратно. Но тут я что-то услышала. Какой-то стук. Повторяющийся, будто кто-то отмеряет равные промежутки времени. Звук шел из комнаты слева.

К моему удивлению, дверь оказалась приоткрыта. Когда я проходила мимо нее до этого, не заметила. Но теперь я точно видела зазор между дверью и косяком, из которого вырывался

серебристый лунный свет. Тем временем повторяющийся отстукивающий звук метронома продолжался.

Я открыла дверь шире. Комната, как и сад, была залита белым светом, напоминавшим изморозь.

Звук стал громче, намного громче, чем я ожидала. Настолько громче, что я сразу заметила его источник. Почему-то окно оказалось открыто, и деревянный шнур занавески раскачивался и бился о стену.

Я прошла через комнату и без особых усилий закрыла окно. И вот тут я заметила, что кровать в этой комнате стояла заправленная. Во всех остальных комнатах на кроватях белья не было – застилать их было не для кого. А вот эту кто-то заправил: простыни, подушки, аккуратно сложенное одеяло лежало в ногах.

А еще мне показалось, что я уловила какой-то запах, едва пронизывавший воздух. Духи, и как будто что-то еще. Что-то медицинское, вроде мази.

Я включила свет и прищурила глаза. Но и этой вспышки мне хватило, чтобы заметить кое-что еще. Кровать не просто была застелена, на ней виднелись два смятых силуэта – кто-то на ней спал. Следы присутствия людей были заметны на подушках и на простынях. А еще я заметила два придавленных следа в центре одеяла.

Я села на край кровати и прошлась рукой по белью – на ощупь холодное. На прикроватной тумбочке стояли кружка и чашка. Кружек таких я у нас раньше не видела – коричневая, глиняная, с узкой серебряной каемкой. Кажется, на этой каемке даже был след от губ.

Рядом с кружкой стояла фотография мужчины, сидящего верхом на лошади, а чуть ниже – стихотворение:

Том Пирс, Том Пирс, одолжите мне свою серую кобылу.
Все время вниз, с попутным ветром,
Потому что я хочу на ярмарку Виддекомб.
Ви Билл Брюэр, Ян Стевер, Питер Герни,
Питер Дэви, Дэн Уиддон, Арри Аук,
Старый дядя Том Коббли и все остальные,
Старый дядя Том Коббли и все остальные.

Утром я проснулась в своей кровати, совершенно не помня, как вернулась. Я оторвала голову от подушки, и на ней осталось даже больше волос, чем обычно. Я поспешно их стряхнула, пока не пришла Эллен.

Глупо делать вид, что я обрадовалась, когда узнала, что мистер Рид-Моир и мистер Мэйнард собрались к нам заехать. Я чувствовала себя уставшей и хотела провести это утро в одиночестве. Но отказать им в визите было нельзя.

Прежде чем стать палеонтологом, мистер Рид-Моир трудился портным. Видимо, поэтому он всегда одет с иголочки. Сегодня на нем был голубовато-серый костюм и галстук в цвет. В руках он держал книгу. Высокий и хорошо сложенный, он двигался легко и изящно. Тело его выглядело гибким, и сам он казался весьма чувственным. Следом зашел мистер Мэйнард.

– Миссис Претти, – промурчал Рид-Моир. – Как всегда, рад вас видеть.

Я предложила им сесть, и они устроились на разных концах дивана. Я посмотрела вниз на ковер и порадовалась, что никаких следов после вчерашнего инцидента с мистером Брауном не осталось.

– Чем могу быть полезна, джентльмены?

– Мы по поводу мистера Брауна.

– Да? А что мистер Браун?

Сначала я решила, что они пришли справиться о его здоровье. Но оказалось, что нет.

– Наш музей участвует в раскопах в Стэнтоне, – продолжал Рид-Моир. – Римская вилла. И мы хотели закончить с ней до того, как... что-то начнется. Браун работал в Стэнтоне, пока не приехал сюда. Мы рассчитывали, что он закончит здесь и вернется туда. Короче говоря, нам бы очень хотелось, чтобы он вернулся в Стэнтон уже сейчас.

– Я и не знала, что мистера Брауна отправили сюда на каких-то условиях.

– Нет никаких условий, миссис Претти, – мистер Рид-Моир улыбнулся и положил ногу на ногу. – Не в этом дело. Но насколько я понимаю, работа здесь – несмотря на все усилия – продвигается уж очень медленно. И мы решили, что пора вызывать мистера Брауна обратно.

– Но ведь это дело мистера Брауна? Надо спросить его.

– Мы с ним говорили, – сказал Мэйнард.

Рид-Моир повернулся и не сводил с Мэйнарда глаз, пока у него не изменился цвет лица. Затем он вновь повернулся ко мне.

– Мы коротко переговорили с ним, пока шли сюда, – сказал он.

– И что он сказал?

– Браун – человек простой, – начал Рид-Моир. – Ему все вокруг видится либо в черном, либо в белом цвете. И это, конечно, одно из его достоинств. Он считает, что раз жалование ему платите вы, то и делает он так, как скажете вы.

– А вы с этим не согласны, мистер Рид-Моир?

– Я тоже человек простой, миссис Претти. По-своему. Меня заботит только процветание музея. Как я и сказал, раскопки в Стэнтоне очень для нас важны. И если они увенчаются успехом – а я склонен думать, что так оно и будет, – мы очень многое узнаем о жизни римлян в Саффолке. И в свете нынешних событий нам приходится делать выбор между Стэнтоном и, уж простите за искренность, менее значительным предприятием. Безусловно, раскопки в Саттон-Ху любопытны, тем не менее пока что ничего примечательного обнаружено не было.

– Позвольте уточнить, мистер Рид-Моир, – сказала я. – Вы хотите сказать, что мистер Браун должен немедленно оставить работу, которую ему поручила я, и отправиться в Стэнтон, чтобы делать вашу работу?

– Не мою, – ответил он, издав мягкий смешок, – а работу, порученную музеем. Все дело в музее.

– Я прошу прощения.

Он качнул головой, как бы извиняя меня.

– Понимаю, что мои раскопки, наверное, кажутся вам делом глупым и смешным, – сказала я.

Рид-Моир хотел что-то возразить, но, видимо, передумал.

– Но, быть может, вы сочтете возможным потерпеть мои капризы еще немного. В конце концов, я долгое время оказывала музею поддержку.

– Так и есть, миссис Претти.

– А потому я рассчитываю на ваше расположение.

Он сидел неподвижно, закинув ногу на ногу.

– Сколько вам нужно времени, миссис Претти? – спросил он.

Я глянула в окно – начался дождь. Капли стучали по листьям плюща, размывали по клумбам грязь.

– Мне бы хотелось, чтобы мистер Браун занялся еще одним курганом. Как закончит – может ехать в Стэнтон.

– Еще один курган? – Голос его зазвучал не так мягко. – То есть еще один – целиком?

– Именно так.

– Но может потребоваться – боже мой – чуть ли не три недели. А может, и больше, если погода не улучшится. Мне вовсе не хочется давить на вас, миссис Претти, но я должен сказать,

что любая проволочка ставит потенциально важную находку под угрозу. Вполне вероятно, что в Стэнтоне мы обнаружим крупнейшую римскую виллу на севере от Филикстоу.

Мы посмотрели друг на друга.

– Возможно, я неясно выразилась. Я хочу, чтобы мистер Браун закончил с еще одним курганом.

Рид-Моир продолжал на меня смотреть. Взгляд его был прямым, а сидел он все так же, аккуратно положив ногу на ногу. И хотя двери в гостиную были закрыты, я все равно слышала, как в коридоре тикают дедушкины часы.

– Но мне не хочется быть чересчур категоричной, – продолжила я. – Если мистер Браун ничего не обнаружит к концу, скажем, следующей недели, я отправлю его к вам.

На этот раз Рид-Моир отреагировал быстро:

– К концу недели... Получается, к концу месяца. Хорошо.

– Благодарю за ваше терпение, мистер Рид-Моир, – сказала я. – Возможно, вы хотели обсудить еще что-то?

– К слову, да.

Он протянул книгу, которую держал все это время:

– Я подумал, что, возможно, вас заинтересует моя последняя книга.

– Очень мило с вашей стороны.

– Она про кремний.

– Кремний? – повторила я голосом куда более удивленным, чем следовало бы.

– Рассказываю о залежах в Кромере, Норфолк.

– С удовольствием почитаю, – сказала я.

Он поставил обе ноги на пол и затем встал. То же сделал и Мэйнард. Проводив их до входной двери, я попрощалась. Рид-Моир слегка прикрыл веки, а Мэйнард печально улыбнулся.

Дождь шел весь день. Роберт сидел дома и играл со своими паровозиками в детской. Говорил, что ему и одному весело и что обойдется без компании. Я была внизу и оттуда слышала, как поезд туда-сюда бежит по железной дороге. День подходил к концу, и мы оба отправились спать раньше, чем обычно.

На следующее утро погода лучше не стала. Но, несмотря на дождь, мистер Браун сказал, что нужно возвращаться к работе. Вместе с Джейкобсом и Спунером они выгребли землю, которая сошла на Брауна, положили доски вдоль траншеи, чтобы избежать повторных оползней, и продолжили раскопки.

В восемь тридцать мистер Лайонс привез меня в Вудбридж, где я должна была сесть на поезд в Лондон. В дороге я открыла книгу Рида-Моира о кремнии. Читалось с трудом, и я отложила ее, одолев всего пару страниц.

Мы доехали до Ливерпуль-стрит, и там я встала в очередь за такси. Мне нужно было добраться до выставочного центра «Эрлз Корт». Мы ехали по Стренду – одной из главных улиц Лондона, и я почувствовала необычную атмосферу веселья, взволнованности. Что-то такое витало в воздухе, чего до этого я не замечала. Люди прогуливались по тротуарам и, как всегда, глядели на витрины магазинов. Мужчины в рубашках, женщины – в блузках. И все же в их беспечности, казалось, было что-то преувеличенное, ненастоящее. Они шли, словно плохо связанные фигуры, которые в любой момент могли неподвижно замереть.

Таксист рассказал, что накануне вечером недалеко от его дома в Баттерси проводили обучение: как вести себя при воздушном налете. Надзиратель ездил по улицам и выбрасывал из машины разноцветные теннисные мячики. Желтые и зеленые мячики – газ; красный цвет – фугас, а с красными полосками – бомбы. Обучение, сказал таксист, радостно смеясь, оказалось полным фиаско. Несмотря на уговоры надзирателя, люди сразу поднимали мячи и начинали бросаться друг в друга.

В Гайд-парке вырыли окопы. От Уголка ораторов теперь расходились зигзагообразные линии. Чтобы вырыть окопы, пришлось вырубить очень много деревьев. Несколько пней все еще торчали из земли. Дерево выглядело мягким и белым, как куриное мясо. Дальше по Бэйсуотер-роуд, на западной стороне озера Серпентайн, я была удивлена, увидев огромный кратер, наверное, сорок футов глубиной и вдвое больше в диаметре. Земля в верхней части была темно-коричневой, а внизу – желтой. Неподалеку на дороге выстроилась очередь из машин. Некоторые из них были с прицепами.

Хотя я не спрашивала, таксист откинулся на спинку своего сиденья и начал рассказывать, что в окрестностях Лондона обнаружили двадцать участков с залежами песка. Людям говорили, что надо набирать мешки и обставлять дома двери и окна. Однако пока что почти никто этого делать не начал. Таксист высадил меня на Неверн-сквер. Конечно, здесь не было мешков с песком или чего-то подобного. Все выглядело как всегда: те же террасы из оранжевого кирпича с длинными, недружелюбными окнами, те же цветочные горшки с жесткими и сморщенными цветами, те же матовые колокольчики над дверями.

Я позвонила в квартиру мистера Суизина. Когда вышла из лифта, он уже ждал у входной двери. Я прошла по коридору в гостиную. Как обычно, он сел в конце стола, а я – слева. На обоях у него был узор из бесконечно повторяющейся бамбуковой решетки, смягчали которую только круглое зеркало над камином и четыре мелких рисунка терьеров на стене напротив.

Какое-то время мистер Суизин болтал о новостях и погоде. Казалось, будто так он извиняется за то, что отнимает у меня время повседневной болтовней.

Наконец он сложил руки, оперся локтями о стол, подался вперед и поглядел в мир теней, по которому, словно поблекшие цвета, носятся осколки человеческих душ. Я знала, что особого внимания на прибывших первыми обращать не стоит. Как и в жизни, первыми приходили те, кто очень хотел, чтобы их услышали, но сказать им особенно нечего. И только когда они наговорятся, их место занимали другие, менее легкомысленные и более скромные.

Когда я представляю загробную жизнь, то вижу нервную, бездействующую толпу. Очередь бесцветных людей, которые бесконечно стоят и ждут, когда попадут в таксофон. А там операционистки, сражаясь с неработающей техникой и почти не знающие языка, пытаются соединить подошедшего из очереди с кем-то, кто хочет с ним поговорить. Картина невеселая, как бы я ни старалась придать ей подходящее янтарное свечение. Но где-то там – Фрэнк, слишком хорошо воспитанный, чтобы суетиться и лезть вперед. В этом я не сомневаюсь. Но обратиться ко мне он должен. Надо просто подождать и особенно ни на что не надеяться. А пока есть обрывки фразы и случайные проблески, которые меня поддерживают. Капля щемящей нежности. Знакомый пробор на голове. Да и ничего больше. Только бесформенное одеяло из утешений – все то же непонятное болеутоляющее. Но сегодня, кажется, все шло хорошо.

Мистер Суизин показал молодого человека с красивыми руками и с подтеком портвейна у рта.

– Он что-то бормочет, – сказал он. – Я хорошо вижу его лицо.

– Я его не знаю.

Суизин быстро переключился на другого.

– Пожилая дама с большой грудью, которая всегда особенно внимательно относилась к своей внешности? – спросил мистер Суизин с печальным видом мясника, который знает, что все его самые серьезные порезы уже сделаны.

Я покачала головой.

– Вы уверены? – спросил он. – Часто требуется время наладить связь.

– Совершенно уверена.

Мы продолжили сидеть. Мистер Суизин с надеждой гнул пальцы, а терьеры смотрели на нас со стены. Так прошли еще двадцать минут. В конце концов мистер Суизин сказал:

– Боюсь, сегодня нам не повезло. Все как будто в тумане.

Он задвинул свое кресло и проводил меня в коридор. Я заглянула на кухню, когда мы проходили мимо. На столе лежали два сэндвича со свининой. У двери мистер Суизин вздохнул и остановился. Я достала из сумочки две полкроны. Проворно спрятав их в кармане, мистер Суизин поинтересовался, приду ли я в это же время на следующей неделе.

Я ответила, что, возможно, мне будет неудобно. Я все никак не могла понять, захочу ли я снова испытать разочарование. Мистера Суизина мой краткий ответ явно расстроил. Неспроста же он называет себя экстрасенсом – человек он и впрямь чувствительный.

Смягчив тон, я сказала:

– Давайте я позвоню вам, когда будет ясно.

– Конечно.

Отойдя в сторону, он придержал для меня дверь за верхний угол, так что мне пришлось пройти под его рукой. В лифте я села на банкетку. Доехав до первого этажа, я обнаружила, что мне с трудом хватает сил открыть решетку. Медленно я спустилась по ступеням и вышла на тротуар.

Оказавшись на улице, я ухватила за перила и тут же поняла, что отпустить его я не рискну. Все вокруг меня кружилось и вертелось, а мимо проходили люди. Кто-то даже, кажется, на секунду задерживал на мне взгляд, но ничего необычного не замечал. Прошло несколько минут, а голова все так же продолжала кружиться. Я стала думать, что же мне делать дальше.

В голову пришла мысль, что это такое наказание за то, что я не верю, как следует. Ведь так всегда бывает с теми, кто не верит или верит недостаточно сильно. Они остаются одни, брошенные, вынужденные заботиться о себе сами.

Светило солнце, но перила оставались холодными. Настолько холодными, что, казалось, мои пальцы онемели. Я взялась другой рукой, и в этот момент с Эрлз-корт-роуд выехало такси и свернуло на площадь. На мгновение во мне возникла надежда, но она тут же угасла, стоило мне заметить, что знак «Свободен» не горит. Правда, когда машина подъехала ближе, я заметила, что на заднем сиденье никого нет.

Я подняла руку и стала ждать. Такси проехало остававшееся между нами расстояние и встало у тротуара. Я оставалась на месте, не зная, как дойти до машины. Казалось, будто мне нужно перейти ручей вброд. Таксист сидел и ждал за рулем, глядя прямо перед собой, мотор работал на холостом ходу. Тем не менее я никак не могла себя заставить отпустить перила. Таксист обернулся, брови его вопросительно приподнялись. И тут я шагнула вперед, совершенно уверенная, что сейчас упаду, но мои ноги все же удержали меня. Оказавшись в такси, я попросила отвезти меня на Ливерпуль-стрит. Поездка слилась в длинное размытое пятно. Мы приехали, и вроде бы мне стало лучше: здания, фонарные столбы, даже люди стали четкими. Тем не менее я решила, что мне не хочется ни к кому подходить особенно близко, поэтому я купила билет в первый класс и закрылась в пустом купе, надеясь, что больше никто туда не зайдет. И никто так и не зашел.

Поезд проезжал через глубокие овраги, выложенные кирпичом, двигаясь в сторону пригорода. Когда наконец дома скрылись из вида и вокруг потянулись поля, я почувствовала облегчение.

Тем вечером Эллен вела себя как-то тихо. Почти ничего не говорила, пока помогала мне переодеться из дорожного платья в вечернее к ужину. Меня тронула ее тактичность и как осторожно она ходила вокруг меня, все понимая и не нарушая молчания.

И только когда она застегивала пуговицы на рукаве, я заметила, что пальцы у нее подрагивают.

– Что случилось, дорогая?

Эллен ничего не ответила и продолжила заниматься пуговицами.

– Готово, – сказала она, поправляя манжеты.

Голос ее звучал ровно, но по ее нижней губе было видно, что ее одолевают сомнения.
– Ты чем-то расстроена? – спросила я.

Она вновь не ответила.

– Если хочешь мне что-то рассказать, то не переживай – никто ни о чем не узнает.

И тут она как-то резко дернулась.

– Все в порядке, мэм, – сказала она. – В полном порядке. Но спасибо за заботу.

Я стояла у зеркала, а Эллен взяла щетку для одежды. Она с обыкновенной ловкостью прошлась по моему наряду, лишь слегка прикасаясь к ткани. Тут я поняла, что Эллен вот уже несколько дней не спрашивала, не хочу ли я, чтобы она причесала меня перед ужином. Наверное, это тоже из чувства такта.

На следующий день снова пошел дождь. После чая я отправилась к курганам. Мистер Браун сидел в одиночестве в пастушьей сторожке. Он уже было собирался выйти ко мне, но я сказала, что буду рада посидеть вместе с ним внутри. Он помог мне подняться по ступенькам, отряхнул мой зонт, смахнул пыль с одного из мест и предложил сесть. Джейкобс и Спунер, как выяснилось, уже разошлись по домам – в такую погоду раскопками заниматься оказалось невозможно.

Только я села, как мистер Браун тут же сказал:

– Мы вряд ли что-то найдем, миссис Претти.

Говорил он поспешнее, чем обычно, как будто эту мысль он держал в голове уже какое-то время и ему очень хотелось наконец ее озвучить.

– Вы уверены?

– Нет. Но у меня такое чувство, если так можно сказать.

– Это ваш нос так чует?

– Боюсь, что да.

Я даже не ожидала, что так расстроюсь. Разочарование пробежало по мне, как сильный поток реки, сметающий все на своем пути.

– И что вы предлагаете, мистер Браун?

– Даже не знаю. Я все думаю, как же будет правильнее поступить.

Судя по всему, он был так же подавлен, как и я. Мы посидели немного молча. Отчасти желая отвлечься от невеселых мыслей, отчасти потому что мне и правда было интересно, я спросила у Брауна, как так вышло, что он занялся археологией.

– Мой дед любил поковыряться в земле, – сказал он. – Хобби такое. И отец много рассказывал мне об археологии. Он провел целое исследование саффолкской почвы. Знал о ней все – от и до. Говорили, что ему можно показать пригоршню земли из любой части Англии и он безошибочно определит, с какой она фермы.

– Невероятно.

– А в пятнадцать я получил свидетельство, подписанное самим Артуром Ми, подтверждавшее мое знание географии, геологии и астрономии. Я окончил школу и чем только не занимался – фермерство, разведение скота, был молочником. Какое-то время трудился страховым агентом. Но ничего надолго меня не увлекало. Зато я все время читал, все, что угодно. Мэй говорит, у меня слишком много книг. Она из-за них до белого каления доходит.

– А с мистером Мэйнардом вы как познакомились?

– В Саффолкском институте. Нас представил друг другу преподобный Харрис из Торндена. Вы знаете преподобного Харриса?

Я покачала головой. Мистер Браун хмыкнул.

– Он читает еще больше моего. И особенно об археологии. И Священное Писание, конечно. Я уже тогда занимался кое-какими раскопками для себя. Римские печи в Ваттис-

филде. И мистер Мэйнард предложил мне поработать внештатно для музея. Так, по мелочи. Что предложат.

Мы слушали, как капли дождя барабанят по крыше сторожки, от пола поднимался запах сырой травы. Мистер Браун сидел, уперевшись локтями в колени.

– А можно вопрос, миссис Претти? – спросил он.

– Конечно.

– Все никак не возьму в толк... Почему именно сейчас?

– Не совсем понимаю.

– Не пойму, почему вы хотите заняться раскопками курганов именно сейчас? Вы же не только что сюда переехали...

Задав вопрос, он тут же отвел взгляд. Наверное, решил, что сказал лишнего.

– Вы правы, конечно, – сказала я. – Мы часто говорили о раскопках с моим покойным мужем. Оба хотели узнать, что там, в курганах. К сожалению, он ушел из жизни, а мы так и не занялись этим вопросом вплотную. А потом мне показалось, что без него будет как-то неправильно... Но я передумала и решила, что если не сейчас, то уже, видимо, никогда.

Мистер Браун закивал. Потихоньку стук дождя стих, и тогда он сказал:

– Может, выйдем и посмотрим, что там и как?

Воздух был теплым и влажным. Над курганами и полями уже собирался туман. Кое-где дождь примял ячмень, вверх торчали лишь отдельные стебли. На участках открытой земли виднелись коричнево-грязные лужи. Мы постарались их обойти и направились к самому большому кургану. Кролики кидались от нас врассыпную. И вот перед нами вырос курган – на целых четыре или пять футов выше, чем все остальные, грузный и тучный.

– Знаю, вам он нравится, миссис Претти.

– Да, но ведь смысла его раскапывать нет, раз вы считаете, что его уже разграбили.

– Да, но давайте поглядим на него еще разок.

Как и в день нашей первой встречи, мистер Браун взбежал наверх. Ноги его проскальзывали по мокрой траве. Добравшись до верхушки, он встал, уперев руки в бока, и поглядел вниз. А затем, как и тогда, исчез из вида. Только я начала переживать, куда же он подевался, как его фигура снова появилась в поле моего зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.